

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

Я ВЫЖИЛ

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Я выжил

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Я выжил / С. И. Зверев — «Научная книга», 2012 — (Спецназ. Офицеры)

Илью Пушкарева отчисляют из университета и призывают в армию. Бывший студент попадает в армейский спецназ и направляется для прохождения службы на Северный Кавказ. Первые операции отряд специального назначения проводит чисто и без потерь, но вскоре удача отворачивается от бойцов – они нарываются на засаду. Все сослуживцы Пушкарева погибают, а сам он получает ранение и попадает в плен. Илья не падает духом и даже не вынашивает план побега. Он готовится дать бой врагам. Его цель – уничтожить логово боевиков изнутри.

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	25
-----------------------------------	----

Сергей Зверев

Я выжил

И кто только придумал армию? Два года, вычеркнутых из жизни в самом ее начале, двадцать четыре месяца бесконечной муштры, семьсот тридцать дней тяжелых раздумий о доме, семнадцать с половиной тысяч часов неизвестности. И фраза «лично я иду в армию, чтобы нашару получить знаний и здоровья» звучит нелепо, когда переступаешь порог учебки и пони-маешь – дружок, ты попал! Причем очень сильно. Как ты будешь жить дальше эти два года? Способен ли твой юный организм и еще молодой и не привыкший к взрослым поступкам мозг все это выдержать? Страшно, печально, но неизбежно!

Вот такие грустные мысли крутились в голове призывника, будущего защитника Родины, Ильи Сергеевича Пушкарева. Ну, почему? Зачем? Зачем он поругался с деканом? Надо было держать язык за зубами. Но тогда ему казалось, что отстаивать свою точку зрения – дело правое. Хотя, что говорить, декан-то был настоящей сволочью. И как только такие личности ходят по свету? Ходят, да еще чувствуют себя замечательно. Руководят кафедрами, вершат судьбы людей. Где справедливость?

И что же должно было произойти дальше с молодым человеком, не обремененным таким важным для него занятием, как учеба в вузе? Да уж точно ничего хорошего! В подобных случаях опытные гадалки говорят: «Дальняя дорога, казенный дом», только в хорошем смысле слова. В соответствии со всеми этими предпосылками одним ранним утром в дверь громко постучали. Илья как раз вернулся с очередного ночного дежурства, в связи с чем находился в пограничном между сном и бодрствованием состоянии. Ничего не подозревая, он открыл дверь и...

– Пушкарев Илья Сергеевич? – спросил молодой человек с надменной улыбкой на прыщавом лице.

– Ну, – кивнул Илья. – Я.

Парень с ехидством хмыкнул и ответил:

– Что ну! Счастье тебе привалило. Распишись.

– Неужели миллион выиграл? – понимая, что новость будет не из приятных, поинтересовался Илья.

– Почти, – ответил парень, извлекая что-то из глубин потертой черной папки.

– Давай, что там?

– Повестка тебе! – злорадно ответил курьер, протягивая Илье пару бумажек. – Вот здесь распишись!

Илья чиркнул на пожелтевшем бланке ручкой и захлопнул дверь перед носом незнакомца.

– Пошел ты! – прошептал он в дверь, вчитываясь в злосчастную бумажку. – Повестка. Гражданину Пушкареву Илье Сергеевичу. Явиться... Вот козлы. Подловили.

Он кинул повестку на заставленное тюбиками мамы трюмо и побрел досыпать. Поворочавшись с полчаса на диване и так и не сумев уснуть после раннего визита военкоматского курьера, Илья сполз со своего ложа.

– Вот сволочь. Весь день испортил, – пробубнил Пушкарев себе под нос и побрел в туалет. Однако испорченным оказался не только этот день...

* * *

– Аслан, Аслан! Беги домой! Мама зовет!

Парень захлопнул изъеденный ржавчиной багажник старенькой «пятерки» и повернулся к мчавшейся сестренке.

– Аслан, Аслан, Аслан!

Зарема с разбегу воткнулась брату в живот, обняла его своими теплыми ручонками за пояс и тихо заплакала. Парень растерянно посмотрел на трясущуюся от переизбытка эмоций голову сестренки сверху и ласково спросил:

– Зара, ты чего? Не плачь. Кто тебя обидел?

– Никто, – не переставая плакать, ответила Зарема. – Пошли домой. Мама зовет. Папа...

При слове «папа» Зара залилась слезами еще сильнее и крепче вжалась своим личиком в живот брата.

– Папа... Его...

По спине Аслана пробежался противный холодок. Сердце сдавило ледяными тисками, и перед глазами поплыли красные круги. В висках тревожно застучало. Он оторвал сопротивляющуюся сестренку от себя и, скрипя зубами и буравя ее взглядом, прошипел:

– Что произошло?

Зара, не переставая рыдать и дергать удерживаемыми братом руками, прошептала:

– Папу убили.

Что происходило вокруг, Аслан дальше уже не видел. Глаза от горя и слез заволокло. Он выпустил руки Зары и стал опускаться на корточки, держась за голову. А через секунду Аслан оказался внизу, катаясь в пыли и колотя кулаками по обожженной солнцем и войной родной земле.

– А-а-а! – кричал парень от бессилия и горя.

– Ы-ы-ы, – вторила ему Зара, прикрывая глаза и растирая слезы сжатыми кулачками.

Краски померкли. Мир, казалось, остановил свое движение. В сердце парня нескончаемым потоком хлынули печаль и горе. Почему так случилось? Зачем отец поехал в этот трижды проклятый Грозный! Что будет дальше...

* * *

Повестка в кармане – значит, ты будущий воин. В далекие времена это событие для многих было радостной новостью. В первую очередь для самих призывников. Тебе доверили ответственное задание – охранять Родину. Разве могут это доверить безответственным людям? Конечно же, нет! Только достойным сынам своей отчизны! Жаль, что сейчас все обстоит немного иначе.

А в нашем случае что может быть дальше? Ну, а дальше все по общепринятой схеме. Военкомат, комиссия, годеи к строевой, проводы, обещания подружки ждать. Дождется ли? Два года – все-таки большой срок. Однако сейчас Илье было уже не до подружки. Потому что сейчас он трясся в убитом совдеповском автобусе темно-зеленого цвета и с черными армейскими номерами навстречу своей незавидной судьбе. А вот что принесут ему эти два года?

– Эй, братишка, чего грузишься? – оборвал поток печальных мыслей Пушкарева его сосед.

– А чего веселиться-то? Два года псу под хвост. А потом дембельнемся и все. Лучшие года жизни ушли в небытие.

– Ну, ты даешь! – улыбнулся сосед. – Ты сначала-то доживи до дембеля. А там, глядишь, и взгляды на жизнь поменяешь.

– Бог даст, доживем, – растерянно ответил Пушкарев. – Мы ведь не на бойню...

– Не факт, – перебил его сосед с толикой неподдельной серьезности в голосе. – У моего брата кореша в армейке замочили. Так тупо. Он еще салажонком был. Деда играли в теннис, и у них шарик улетел. Эти козлы решили салагу поучить. Сказали, чтоб тот проявил уважение

к старшим и принес им мячик. А кореш их послал куда подальше. Ну, и понеслось. Втроем прессанули паренька, попинали. Пробили почку. Ну, он и лапты склеил. Вот так нелепо.

– Да ну тебя, – отмахнулся Пушкарев. – Смотри, не накаркай!

– Вот тебе и «да ну», – ответил сосед, отворачиваясь к окну автобуса. – Как тут поймешь? Вроде и пацан здоровый был! А ты – не каркай, не каркай.

Тогда Илья практически не придавал значения этим словам. Но их смысл все-таки дошел до него, хоть и с большим опозданием и при совершенно иных обстоятельствах.

* * *

Тобут¹ с телом отца внесли на помост. Имам оповестил округу троекратным «Ас-Салат», и джаназа² началась.

Все время до начала похорон отца Аслан старался поддерживать маму и Зарему. Ведь они женщины, а он, как ни грустно это осознавать, единственный мужчина в семье. Но сейчас Аслан чувствовал, что силы начинают его покидать. С того момента как тело отца привезли в село, ему так и ни разу не удалось поспать больше часа. Поэтому сейчас Аслан еле-еле стоял на ногах, отрешенно глядя на тобут с отцом, едва не падая от усталости и изнеможения. Однако злость и ненависть подстегивали его, не давая силам окончательно покинуть его тело.

После джаназы отца понесли на кладбище.

– Проклятые кафиры, – услышал Аслан по дороге слова дяди Юсуфа. – Это они убили Тархана, потому что он оказался похож на кого-то из доблестных моджахедов.

– Юсуп, – оборвал его старейшина Мовсар. – Ты на похоронах. Давай не сейчас об этом. К тому же говорят, что это не так.

– А ты откуда знаешь? Ты там был? – взорвался Юсуф.

– А ты был? – едва ли не закричал дядя Мовсар. – Зачем воду мутишь? При чем здесь русские? Они, наоборот, пытались отбить Тархана с Болай.

– Ты еще скажи, что рад их видеть на нашей земле! – не унимался Юсуф. – Они режут наших братьев, убивают сестер...

– Ай, – махнул рукой Мовсар. – Опять ты начинаешь свою пропаганду. Давай хотя бы спокойно похороним Тархана. Прояви уважение к покойному и его семье.

Юсуф виновато кивнул и отвернулся от собеседника.

От услышанного спора у Аслана на лице заходили желваки. Ведь ему и матери рассказали совсем иную историю. По версии дяди Мовсара, отец и его друг дядя Бола случайно попали в перестрелку между русскими солдатами и бойцами освободительной армии. Кто именно винен в смерти, было не ясно. Пуля, как говорил Мовсар, оказалась шальной. Поэтому узнать, кто именно ее выпустил, не представлялось возможным. Однако сейчас все переворачивалось с ног на голову.

После похорон, когда последняя горсть земли упала на могилу отца, а имам допел свой печальный стих из Корна, к Аслану подошел дядя Юсуф. Он обнял парня, похлопал его по спине и тихо прошептал на ухо:

– Завтра к полудню зайдешь ко мне. Надо поговорить.

Аслан растерянно кивнул.

– Держись. Держись, сынок. Тархан был хороший человек. Настоящий мужчина и верный мусульманин. Аллах примет его в рай, а кафирские собаки еще пожалеют, что убили такого достойного мужа. Держись, Аслан!

¹ Погребальные носилки.

² Погребальная молитва по усопшему.

Юсуф похлопал парня по плечу и побрел в сторону деревни, слегка прихрамывая и опираясь на большой посох. А Аслан продолжал растерянно хлопать глазами, провожая старика взглядом.

Через полчаса кладбище опустело. Маму с Заремой тоже увели женщины, помогающие с похоронами. На кладбище остались лишь Аслан и имам.

– Мой мальчик, нам пора возвращаться, – печально констатировал старик. – Живые к живым, мертвые к мертвым.

– Дядя Ташо! Почему именно мой отец? – глотая слезы от обиды и бессилия, спросил Аслан. – Чем он не угодил Аллаху?

– Не богохульствуй, юноша! – с укором в голосе оборвал парня имам. – Аллах дал, Аллах забрал. Я понимаю твою боль, – уже чуть подобревшим голосом продолжил Ташо. – И мне грустно, что господь забирает самых достойных. Но такова Его воля. И лишь Аллах знает, почему именно твой отец!

Аслан шмыгнул носом, потер его кончик и поднял мокрые глаза на имама:

– Я должен отомстить за его смерть.

Взгляд Ташо наполнился болью и тоской. Он положил Коран в свою суму и подошел к парню. Обняв его за плечо, имам тихо сказал:

– Дорога, которую ты хочешь выбрать, страшная и опасная. Она несет лишь боль и горе. Подумай о матери, о сестре! Да и отец вряд ли одобрил бы твой выбор. Я слышал рассказ Юсуфа. И знаю самого его очень хорошо. Поэтому скажу так. Считать Юсуфа лжецом я не могу. Но, как мне кажется, в его словах правды мало. Ты уже взрослый парень, и если что-то задумаешь, мне тебя не переубедить. Но прежде чем принять решение, хорошенько подумай. Назад дороги не будет!

Аслан растерянно посмотрел на духовного наставника. Ташо всегда внушал ему уважение и трепет. Его мудрые речи заслуживали того, чтоб быть выслушанными. И к ним прислушивались многие. А порой они спасали не одну жизнь. Но сейчас Аслан не мог их понять. Гнев, горечь и еще с десятков подобных чувств терзали его сердце, выжигая из них остатки здравого смысла.

– Дядя Ташо, – устало ответил Аслан. – Спасибо, что помогаете...

Имам улыбнулся и похлопал парня по плечу.

– Идем. Я понимаю, что тебе сейчас не до моих нравоучений. Земля на могиле твоего отца еще даже не высохла. Сделаем так. Сейчас ты пойдешь к матери и сестре. Завтра похороны бабушки Лайсы. А послезавтра я жду тебя для беседы.

– Спасибо, – только и сумел ответить Аслан, глотая большой комок, подкативший к его горлу. – Спасибо, что заботитесь.

Ташо улыбнулся.

– Для того и создал Аллах людей, чтобы они могли друг о друге заботиться. Идем.

И они побрели в деревню безмолвно, каждый думая о своем.

Этой ночью Аслан снова не смог уснуть. И лишь под утро, когда пропели первые петухи, он ненадолго провалился в забытие.

– Аслан, сынок! Ты меня слышишь? Проснись.

От неожиданности Аслан едва не упал с кровати. Перед ним стоял отец. И хоть в предрассветной темноте его лица видно не было, родной силуэт спутать с чьим-то другим он не мог. Эти широкие, слегка покатые плечи. Контур ушей, носа. Проступавшую в темноте бороду. Могучие богатырские руки. Перечислять дальше Аслан мог до бесконечности. И самое главное – родной голос! Отец!

– Папа, – растерянно и жалобно простонал Аслан. – Но ведь...

– Я знаю, сынок! Знаю. Ты не должен бояться. Прости меня за то, что бросил вас в такое трудное время.

– При чем здесь ты, папа? Тебя ведь убили! – закричал Аслан, чувствуя, как задыхается от очередной волны гнева.

– Да. Но мне больно потому, что я вас оставил. Попроси за меня прощение у матери и сестры. Я виноват перед ними. Ведь теперь, кроме тебя, их некому защитить. Стань настоящим мужчиной! Заботься о них. Не дай их в обиду. Прошу тебя.

– Папа, кто тебя убил? – едва сдерживая крик, спросил Аслан.

– Плохие люди, – монотонно ответил отец.

– Кто? Русские?

– Это неважно, сынок! Плохие люди бывают не только среди русских.

– Я должен знать, – скрипя зубами, сказал Аслан. – Я должен отомстить.

Отвечать сыну Тархан не стал. Его образ задрожал и стал расплываться. Аслан судорожно протянул руки навстречу силуэту.

– Папа, пожалуйста, не уходи! Не оставляй меня. Пожалуйста.

Отец потянул руки навстречу к сыну, но в этот момент его силуэт растаял в утреннем сумраке комнаты.

– Папа, папа! – закричал Аслан, глотая слезы. – Не уходи. Пожалуйста! Вернись!

Однако Аслан чувствовал, что этот раз – последний. Отец больше не вернется никогда. И от этого хотелось выть, крушить, рвать, ломать, УБИВАТЬ. Из глаз брызнули слезы. Остановить их было невозможно. Аслан зарыдал, как младенец, и заколотил кулаками по кровати.

– Нет, нет, нет!

Аслан почувствовал, что его душа опустела вместе с растаявшим силуэтом отца. И в этой пустоте нет места ни для чего, кроме ненависти и боли.

– Аслан, Аслан! Сынок! Успокойся!

Он открыл мокрые от слез глаза. Над скомканной кроватью с бьющимся на ней в истерике сыном стояла мама.

– Мапочка! – по-детски вскрикнул Аслан.

В следующую секунду он обхватил мамину шею и прижался к ней, как это делают напуганные во сне дети.

– Сынок, сынок, – зашептала женщина, нежно гладя Аслана по голове мягкой и теплой рукой. – Успокойся. Это всего лишь сон.

– Мама, он приходил ко мне. Разговаривал со мной. Он был здесь.

Аслан почувствовал, как спина мамы затряслась. Парень мысленно выругал себя за то, что не сумел сдержаться. Он снова сделал маме больно и за это клял себя последними словами. Если плохо было ему, каково тогда было матери?

– Мам, прости меня. Я не хотел. Прости.

Мама отстранилась от Аслана и, нежно глядя на сына мокрыми и воспаленными от слез глазами, тихо прошептала:

– Ну что за глупости? Ты-то здесь при чем?

А ведь в самом деле? В чем его вина? Только лишь в том, что отец явился ему во сне! В остальном он чист.

– Папа попросил у тебя прощения за то, что оставил нас, – с тяжестью на языке исполнил Аслан волю отца. – Он сожалеет...

Большая слезинка слетела с глаза мамы. Только сейчас Аслан заметил, как сильно она постарела. Морщинки под глазами стали глубже и шире. Нос заострился, щеки впали. И это все из-за смерти отца. Аслан стиснул зубы и, глядя в родные глаза, прошептал:

– Мапочка, не плачь. Я защищу вас.

Мать печально улыбнулась.

– Ладно. Ты хоть сегодня поспал! Пошли, я тебя завтраком накормлю.

Есть Аслану совершенно не хотелось. Но отказываться от предложения мамы он не хотел. Сейчас их поредевшая семья должна быть сплоченней, чем обычно. Поддерживать друг друга. Стоять друг за друга горой. И он, как единственный мужчина, просто обязан проявлять заботу о своих женщинах. Несмотря на усталость и боль от недавней потери отца.

– Идем, мама.

Завтрак прошел в тишине. Говорить еще что-то, что могло легко расстроить маму, Аслан не хотел. Да и Зарема еще спала, по-детски свернувшись калачиком на своей кровати. К тому же в голову, не переставая, лезли разные мысли, требующие глубокого осмысления.

Покончив с яйцами и колбасой, Аслан выбрался из-за стола.

– Мам, спасибо. Я пойду прогуляюсь.

Мама кивнула.

– Конечно, сынок. Купи хлеба на обратном пути.

Аслан подошел к матери и поцеловал ее в лоб.

– Я скоро, – ответил он и вышел из дома.

На улице уже рассветало. Солнце еще не выкатилось из-за горизонта, однако тени сужались, подбираясь все ближе к отбрасывающим их предметам. Воздух постепенно наполнялся живыми звуками, затихающими ночью. Мир оживал.

Аслан прогулялся по улице и вышел на окраину селения. Здесь, в трех метрах от дороги, лежал двухметровый валун – любимое место местных ребятишек. Камень имел причудливую форму и внушительные размеры, чем и приманивал детвору. Когда-то в детстве и Аслан любил залезать на него и рассматривать свой любимый край с высоты. Тогда ему казалось, что мир безграничен, светел и радостен. В нем нет места злу и боли. Кругом светит солнце, зеленеет трава, поют птицы. Рядом верные друзья, мама, папа. И он с искренней верой в светлое будущее наблюдает с огромной, по детским меркам, высоты на все эти прелести жизни. Как ему повезло!

По знакомым выступам и выбоинам в камне Аслан в три приема забрался наверх «головы» – так они шуточно прозвали этого одинокого исполина. За прошедшие годы верхушка камня практически не изменилась. Разве что мох перекочевал с одного места на другое. Аслан скрестил ноги и уселся на холодную после ночи поверхность исполина. Прикрыв глаза, он принялся раздумывать.

Что делать дальше?

Во-первых, нужно узнать, что именно произошло с отцом. Почему его убили? И самое главное – кто? Для этого необходимо переговорить с Юсуфом и Мовсаром. А самое главное – найти дядю Бола, который был с отцом во время его убийства и который сейчас лежал в грозненской больнице с проникающим ранением грудной клетки. Во-вторых, он должен отомстить за смерть отца. В том, что виноватый ответит за это убийство, Аслан не сомневался. Он давно для себя решил, что месть станет смыслом всей его жизни. И его душа не успокоится, пока убийцы отца не сгинут с этого света.

Скрестив ноги и прикрыв глаза, Аслан выпрямил спину и глубоко втянул в себя прохладный утренний воздух. Это всегда помогало ему сосредоточиться и очистить голову от лишних мыслей. Так когда-то давно в далеком детстве его научил отец.

Внезапно в утреннем воздухе послышались какие-то звуки. Аслан насторожился. Ведь этой дорогой никто, кроме пастухов, давно не пользовался. Она вела через лесок к лугам, которые заканчивались высокими сопками. Кстати, за этими горами, по словам местных старожил, находился лагерь полевого командира Вахи Лудаева.

Через секунду Аслан был на серой поверхности валуна. Он вжался всем телом в холодный камень и осторожно выглянул из-за своего укрытия, пытаясь разглядеть источник шума, который с каждой секундой становился все сильнее и сильнее. Спустя пару десятков секунд из кустов на дорогу вышли два человека. Одного из них Аслан узнал даже отсюда. Это был дядя Юсуф. Его белую бороду и большой крючковатый посох нельзя было спутать ни с чем.

Вторым человеком оказался здоровенный парень в камуфляжных штанах, армейских ботинках и изодранной в клочья футболке. Его черная борода была взлохмачена и перепачкана землей, как, собственно, брюки и ботинки. На правой части футболки красовалось огромное бурое пятно, которое парень зажимал широкой ладонью.

Будучи человеком неглупым, Аслан моментально сообразил, что происходит. Парень в изодранной футболке – скорее всего, раненый боец из отряда Вахи. Подтверждением этому были болтающийся за его спиной «АКМ» и несколько гранат, позвякивающих на поясе при неуклюжей ходьбе с пулей в правом боку. Из страшных гримас, ежесекундно проявляющихся на лице парня, Аслан сделал вывод, что рана серьезная и причиняет ему сильную боль. На лице Юсуфа отражались подобные эмоции. Старик изнемогал от усталости, но бросить своего спутника не желал.

Взвесив все «за» и «против», Аслан поднялся из-за своего укрытия. Однако, прежде чем его заметили беглецы, прошло немало томительных секунд. Первым отреагировал раненый. Он резко остановился и трясущейся рукой потянулся к автомату, не отрывая глаз от Аслана. Сообразив, что что-то произошло или вот-вот произойдет, вслед за боевиком остановился и старик. Он быстро проследил за взглядом раненого и громко крикнул:

– Стой! Не стреляй!

Детина изнеможенно опустил руку, и автомат тяжело вернулся за спину парня.

– Асланчик, это ты! – облегченно изрек Юсуф. – Быстро помоги.

Аслан кивнул и, не произнося ни слова, в три приема спустился с валуна. Подбежав к беглецам, он принял из обессилевших рук Юсуфа раненого парня.

– Так. Я пойду вперед, – тут же засуетился старикашка. – Проверю, чтобы никого на пути не было. Ты води его в дом Жансари. Она в курсе.

Старик бросился вперед по дороге, отчаянно размахивая концом своего посоха, а Аслан потащился за ним, мысленно проклиная про себя дядю Юсуфа со своей ненавистью к русским и тяжелый вес парня, висевшего на его плече. И как только старику удавалось так долго тащить бедолагу, весившего не меньше сотни килограммов? Ведь он выдохся уже через две минуты этого бешеного марафона. Да и страх быть кем-то замеченным с подобной ношей сбивал дыхание, заставляя поминутно осматриваться и терять драгоценные силы.

К счастью, до дома бабушки Жансари, находящегося на самом краю села, им так никто и не повстречался. Даже несмотря на восходящее солнце. В калитку Аслан уже не входил, а вваливался. Пять шагов по двору...

Дверь распахнулась, и на пороге по-явились дядя Юсуф и бабушка Жансари. Они быстро подхватили стонущего от боли парня и вволокли его в дом.

– Входи тоже, – через плечо крикнул Юсуф Аслану. – Поможешь.

– Пускай принесет воды! – перебила его Жансари.

– Слышал? Быстро неси! – приказал Юсуф, указывая глазами на пустое ведро, стоящее у входа в дом.

Аслан кивнул и бросился к колодцу, стоящему через три дома. Наполнив кривое от времени ведро водой, поспешил обратно. В доме его уже ждали.

– Скорей, скорей, – торопила Жансари. – Отлейте в чайник и вскипятите. Только быстрее. Нужно тщательно промыть раны.

Аслан зачерпнул из ведра огромной кружкой и наполнил чайник до краев. Щелкнув кнопкой, он отошел в сторону с чувством выполненного долга. И тут же лежащий на диване парень глухо застонал, напоминая о себе присутствующим в комнате.

– Разрежьте на нем футболку, – приказала Жансари.

– Бери ножницы, – крикнул Юсуф, подходя к раненому.

Все эти команды и приказы потихоньку начинали действовать Аслану на нервы. Пойди туда, принеси это. Однако вид парня и память о недавней утрате подстегивали парня, заставляя выполнять эти приказы, пересиливая гнев и злость.

Аслан сделал глубокий вдох, приводя себя в чувство, и взял со стола большие ножницы.
– Скорей же, – гнусавил Юсуф. – Чего ты копаешься, как женщина!

Погасив злость на старика, Аслан запустил ножницы в ткань драной футболки. Под острыми ножницами изорванная материя легко подалась. Через минуту Аслан освободил тело парня от перепачканной кровью ткани и стал стягивать остатки перепачканной кровью и грязью футболки.

Вскоре в комнате появилась Жансари с тазом парящей воды. Увидав оголенный торс парня, она одобрительно кивнула.

– Молодец, Аслан. Сейчас поможешь мне очистить место вокруг раны. Вылей половину воды в другую миску.

Аслан перелил обжигающую руки воду в пустой таз.

– Держи, – сказала Жансари, протягивая Аслану тряпку. – Смывай кровь и грязь вокруг раны. В саму рану не лезь. Давай.

Трясущимися от страха руками Аслан опустил тряпку в теплую воду и, смочив ее, приложил к краю раны. Парень вскрикнул, однако дергаться не стал. Наверно, он находился еще в здравом рассудке и понимал, что без боли здесь никак не обойтись. Поэтому, стиснув зубы, боевик отвернул голову в сторону и тихо прохрипел:

– Делай свое дело.

Получив одобрение от парня, Аслан принялся смывать запекающуюся кровь вокруг раны, изредка смачивая тампон в теплой воде. Когда края отверстия оказались более-менее чистыми, Жансари крикнула:

– Все, держите его.

Юсуф и Аслан бросились к парню и придавили его к кушетке.

– Потерпи, сынок. Сейчас будет немного больно, – ласково прошептала старушка, вынимая из железной ванночки хирургический пинцет. – Тебе повезло. Пуля неглубоко. Но крови ты потерял много. Во имя Аллаха!

С этими словами она отточенным движением ввела инструмент в рану. Парень тут же изогнулся дугой и взвыл от боли. Аслан навалился на его плечи, пытаясь удержать боевика на кушетке.

– Держите его! – зашипела Жансари, ковыряя в ране, из которой тут же пошла кровь. – Крепче!

Аслан с новой силой навалился на парня и придавил его кушетке. Юсуф, кряхтя и пытаясь от неимоверных усилий, налегал на ноги раненого.

– Терпи, терпи, – шептала Жансари. – Еще немножко.

Через несколько секунд она выдернула зажим из раны, и парень тихо обмяк. Жансари бросила инструмент с зажатой на конце пулей в таз с грязной водой и начала промывать рану, из которой стремительными толчками выплескивалась темная жидкость. Затем старуха открыла новую коробку и вынула оттуда нить с иглой.

– Надо промыть рану и зашивать, – сказала Жансари, вдевая нить.

Что-то противное и липкое зашевелилось в горле Аслана. В глазах запрыгали красные мухи. Он почувствовал, как туман заволакивает его сознание, отключая способность держаться на ногах. Руки ослабли, повиснув плетью по бокам и потеряв способность держать предметы. Аслан понял, что если проведет здесь еще секунду, то скоро в чувство придется приводить не только раненого боевика. Едва шевелящимся языком он тихо сказал:

– Я выйду на улицу. Мне плохо.

– Стой! – крикнул Юсуф. – Подожди.

– Пускай выйдет, – властно оборвала его Жансари. – Видишь, парню плохо. Мы здесь с тобой вдвоем справимся.

Аслан в знак благодарности кивнул старухе и поспешил на воздух.

– Не уходи домой! Нам надо поговорить! – с тревогой сказал Юсуф.

Парень устало посмотрел на старика.

– Я буду во дворе, – бросил он через плечо, отворяя дверь.

Старик пробуравил его спину тревожным взглядом. Однако Жансари призывно замахала рукой, Юсуф оставил свои игры в гляделки и поспешил к раненому.

Свежий воздух Аслан воспринял как живительный эликсир. Еще несколько минут в доме – и он бы точно опорожнил свой желудок, устроив шоу у кровати с раненым. Сделав несколько глубоких вдохов, Аслан почувствовал себя гораздо лучше. Присев на корточки и, прислонившись спиной к стене дома, он прикрыл глаза.

– Аллах Всемиловитый, дай мне сил.

* * *

Учебка встретила призывников холодным весенним дождем. Ребят выстроили на плацу и долго держали под ледяными струями воды, беспощадно изливавшимися на новобранцев с небес. Наконец после долгого ожидания к ним вышел маленький, рыжеусый полковник в непромокаемом плаще. Он окинул ненавистным взглядом собравшийся контингент и заорал приветственную речь:

– Ну, что, товарищи призывники? Поздравляю вас с прибытием в рай! Не вижу на лицах радости от выпавшей вам чести...

Промокший до нитки Пушкарев со своими товарищами слушал слова начальника учебного центра, думая о том, почему на воспитательную работу в армии берут не самых достойных для этого дела людей. Всем своим видом рыжеусый полковник давал понять молодежи, что они здесь НИКТО. Ехидное выражение лица, пренебрежительные интонации в сумбурных речах. Все это не было признаком компетентности полкана, как старшего товарища, педагога, выступающего перед будущими защитниками Родины. Это выступление больше смахивало на обращение начальника тюрьмы к вновь прибывшим заключенным в каком-нибудь сериале о зоне.

Хотя чего греха таить? Так было и у них в университете. Ребята, поступившие на мореходный факультет, попадали на казарменное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому Илья частенько наблюдал картину, как их отцы-командиры, ругаясь и брызжа слюной, орали на нерадивых курсантов, отучившихся чуть больше месяца. Неужели криками и матами можно что-то привить салагам? Да ничего, кроме ненависти! Но что теперь об этом говорить? Скоро он на себе сумеет испытать все прелести подобного ошибочного педагогического метода, к несчастью, часто практикующегося в рядах нашей многострадальной армии.

После «приветственной» речи, окончательно отбившей у Пушкарева веру в «светлое будущее», ребят стали делить на группы. Командиром роты, в которой оказался Илья, был лысоватый прапор с легендарным именем – Василий Иванович. Он важно подошел к подопечным и начал знакомиться с будущими бойцами, вальяжно закинув руки за спину.

– Ну что, салаги? Добро пожаловать...

– Вы прибыли в ад! – пошутил кто-то из новобранцев.

Соответственно за этой фразой последовал стандартный ответ прапора:

– Кто сказал?! Шаг вперед!

Из строя вышел крепкий парень с коротко стриженными волосами на голове. Прапор испепеляющим взглядом смерил нарушителя дисциплины и его авторитета и прошипел:

– Три наряда. Будешь у меня толчки драить до посинения.

– Спасибо, товарищ командир, что доверили мне это ответственное дело! Чистота мест общественного пользования – залог здоровья бойца, – не унимался парнишка.

– Да, пожалуйста! – ответил прапор, с интересом глядя на бунтаря. – Могу вообще назначить тебя пожизненно ответственным за МОП. Представляешь, пять минут в армии, а уже такой высокий и почетный пост. Как фамилия, боец?

– Мартынюк! – начиная постепенно осознавать свою ошибку, ответил парень.

– Встать в строй!

– Есть встать в строй!

Мартынюк вернулся в шеренгу переваривать возникшую перспективу новой должности, а прапор продолжил свое знакомство с личным составом:

– Итак, все вы прибыли сюда, для того чтоб научиться защищать свою Родину. Поверьте моему огромному опыту, это не так уж и легко, как может показаться дилетантам! В учебке вы пробудете три месяца, после чего отправитесь в разные уголки нашей необъятной Родины. Каждый к месту своей постоянной службы. И именно здесь вы должны показать, чего стоите. От этого будет зависеть ваша дальнейшая служба. Куда вы пойдете именно: в элитные части наших Вооруженных Сил или в какой-нибудь Урюпинск на всеми забытый оружейный склад изнывать от безделья или чистить толчки, как мой новый знакомый господин Мартынюк.

В строю послышался тихий хохот.

– Разговорчики! – недовольно крикнул Василий Иванович. – Смеяться над товарищем, попавшим в беду, в армии не принято. Всем по наряду!

На этот раз хохота не последовало. Это означало, что урок командира роты не прошел даром. Василий Иванович чуть заметно улыбнулся своей первой победе на воспитательном фронте и продолжил:

– Есть среди вас личности, занимавшиеся на гражданке каким-нибудь видом спорта? Выйти из строя!

Вперед шагнули пять человек, среди которых оказался и Илья.

– Ого! Аж целых пять человек! – воскликнул прапор. – Очень спортивный призыв! Ничего не скажешь. Ну, что ж, давайте выяснять, кто чем жил. Ты чем занимался? – спросил Василий Иванович у высокого худощавого паренька.

– Легкая атлетика! – ответил тот, слегка заикаясь от волнения.

– Ну, вот. Чего дрожишь, салага? Это прямая дорога в разведку, что есть очень гуд для Родины. А ты?

– Шахматы! – выдал без тени смущения сутулый бледный призывник в аккуратных очках на носу.

В строю грянул дружный хохот. Однако Василий Иванович оборвал этот приступ строгим окриком:

– А вы чего ржете, придурки? Вам грязь в окопах месить, а ему в штабе на картах вас, дураков, под пули ставить. Э-э-х, балбесы!

Прапор покачал головой и подошел к Илье.

– Ты?

– Я боксер. Кандидат в мастера спота. Средний легкий вес до 63 килограммов.

– Спецназ или ВДВ! Там такие бойцы нужны, – решительно кивнул Василий Иванович, проходя мимо Ильи к очередному спортсмену: – Ты?

– Рукопашный бой! – ответил здоровенный парень со слабыми признаками интеллекта на лице. – До этого вольная борьба.

– Аналогично! – ответил Василий Иванович, кивая головой в сторону Ильи. – Нам такие бойцы нужны. Армия – место не для слабаков. Ты?

– Фехтование! – ответил последний из «одареннейшей».

Прапор замер напротив парня, задумчиво глядя перед собой. Такой вид спорта вряд ли был востребован в Вооруженных Силах. Поразмыслив, Василий Иванович выдал свое резюме:

– Лет триста назад тебя без экзаменов взяли бы в мушкетеры. Но сейчас, – он пожал плечами. – Хрен его знает. Может, какой-нибудь кремлевский караул.

Парнишка обиженно посмотрел на командира.

– Ладно, не ссать, боец! Спорт – все равно штука нужная. Для здоровья не помеха. Так что и фехтование в жизни пригодится. А теперь, нале-во! В казарму шагом марш! Держим строй, не разбредаемся!

И новобранцы побрели в свой новый дом занимать спальные места согласно купленным билетам, тупо глядя друг другу в затылок. Стоит ли говорить, что отмеченная командиром «элита» взвода – пять спортсменов без исключения – заняла самые почетные места на первом ярусе.

В первую ночь своей новой жизни Илья долго не мог уснуть. Даже несмотря на дикую усталость. В его голову лезли разные мысли, требующие осознания и осмысления. Почему? Ради чего? Зачем? Они терзали его сознание неизвестностью и тайной. Резали душу страхом и ужасом. Не спасали ситуацию даже робкие лучики патриотической стороны медали. И лишь только к середине ночи, достигнув консенсуса со своим вторым «я», Илье удалось уснуть.

* * *

Солнце уже выкатилось из-за гор, но воздух еще был по-утреннему прохладен. Аслан сидел на корточках, прислонившись к стене дома, и судорожно осмысливал произошедшее. Помочь раненому брату-чеченцу он был обязан по всем правилам. Но, сделав доброе дело, Аслан попадал под преследование со стороны закона. Хотя какой, к черту, здесь закон? Тут побеждает тот, у кого в руках оружие. Однако отец всегда говорил: «Мы живем в России. А значит, должны подчиняться законам Российского государства!» К тому же Аслан и сам понимал, что такое анархия. И от этого ему становилось страшно. С другой стороны, кто узнает о его помощи? Юсуф и Жансари вряд ли станут трепать языком. А кроме них, о его «подвиге» больше никто не знает. Ну, кроме самого раненого.

Внезапно течение его мыслей оборвал протяжный скрип открываемой двери. Аслан вздрогнул и обернулся. На пороге стоял дед Юсуф. Он устало посмотрел на парня и опустился на лавку.

– Сегодня ты сделал хорошее дело. Аллах всемогущ и все видит, – сказал старик, прикуривая сигарету и выпуская большое облако густого дыма. – Ты спас своего брата. Воина Аллаха, сражающегося за истинную веру! Значит, совершил сразу два хороших дела. И будешь награжден Всевышним за эти богоугодные поступки. Но ты должен понимать, что наш раненый брат находится в большой опасности. Здесь, где полным-полно кафиров и муртадитов. Поэтому ты должен молчать о том, что здесь видел и в чем участвовал.

Аслан дерзко сверкнул глазами в сторону Юсуфа и с едва читаемым презрением ответил:

– Зачем вы говорите мне эти слова, дядя Юсуф? Я не маленький. И прекрасно осознаю, что грозит ему, – парень кивнул в сторону дома Жансари, – если кто-то узнает. А также понимаю, что будет мне за помощь скрывающемуся боевику!

Старик примирительно ответил:

– Не злись, Аслан. Я не считаю тебя ребенком или глупцом. Своими действиями ты вполне доказал, что являешься настоящим мужчиной. И даже если был несколько дней назад пацаном, то проклятые кафиры украли у тебя эту прекрасную пору, убив отца и сделав единственным мужчиной в роду. И этот раненый парень, которому мы помогли, отомстит за Тархана и за всех правоверных мусульман, павших во имя Аллаха от рук проклятых кафиров и муртадитов.

– Дядя Юсуф! Я не уверен, что моего отца убили каф... русские солдаты. Дядя Мовсар сказал...

– Ай, Аслан! – нервно махнул рукой Юсуф. – Вот сейчас ты ведешь себя как неразумный пацан. Ты ведь знаешь, что Мовсар продался этим собакам. Его зять и два племянника служат у русских. И сам он из правоверного мусульманина превратился в поганого муртадита. Ну да ничего! Аллах всемогущ и покарает грешников, нарушивших его волю и предавших Коран. Он будет вечно гореть в аду!

Старик демонстративно сплюнул на песок и поглядел на парня. Его слова посеяли в душе Аслана семя сомнения. Поэтому необходимо было развивать свою маленькую победу стремительным наступлением.

– Посуди сам, мой мальчик! Наши братья-моджахеды сражаются за истинную веру. Готовы к шахиде и совершат ее, не задумываясь ни секунды. Так неужели ты считаешь, что они могут убить правоверного мусульманина, коим был Тархан – твой отец? Я отказываюсь верить, что ты можешь так думать!

– Но зачем русским убивать отца?

Юсуф печально посмотрел на парня и, изобразив скорбь на лице, сказал:

– Я даже не буду тебе говорить, что они захватили нашу землю. Убивают наших братьев и сестер. Разрушают наши дома. Грабят и оскверняют мечети. В открытую с экранов телевизоров и в газетных статьях ругают Аллаха! Скажу так. Мне горько осознавать, что ты сперва сомневаешься в своих братьях, а потом только в проклятых захватчиках, чье место – гореть вечно в аду и никогда не познать милость Аллаха! Вот что терзает мое сердце больше всего!

Аслан виновато посмотрел на старика.

– Простите, дядя Юсуф. Я не хотел...

Старик обнял парня за плечи и прижал к себе.

– Ничего, сынок. Я знаю, что ты хороший мальчик. Настоящий мусульманин, достойный своего отца. Горе сковало твой разум. Но время лечит. Сегодня ты совершил достойный поступок. И тем самым очистил часть своего затуманенного разума. Наступит день, он полностью очистится, и ты увидишь светлый путь, по которому должен идти истинный мусульманин! Я в это верю. Теперь беги к матери и сестре. Сейчас им нужна твоя поддержка, ибо горе в их сердцах еще свежо и душевная рана кровоточит. Но помни: никто не должен знать о том, в чем ты сегодня участвовал.

Аслан кивнул и с радостью поднялся. Положа руку на сердце, этот разговор постепенно начал его утомлять. К тому же он заметил, что начинает верить словам Юсуфа, одновременно осознавая их экстремистскую подоплеку. Зачем старик так поступал? Ведь Аслан помог парню из чисто человеческих побуждений. Брат-мусульманин попал в беду. Значит, его долг – помочь нуждающемуся. Как учит Всевышний в своем Завете и как велит сердце правоверного. А вся эта ваххабитская пропаганда ровным счетом никак не относилась к делу.

Попрощавшись со стариком, Аслан вышел со двора Жансари. Пройдя по оживающей улице, он приблизился к магазину. Мама просила купить хлеба, и Аслан помнил об этом. На крылечке у входа стояли несколько пацанов. Они о чем-то оживленно спорили, размахивая руками и всем своим видом показывая, что их разговор очень серьезен и важен. Аслан подошел к мальчишкам.

– Привет, пацаны. Чего шумите? – спросил он у компании, поочередно приветствуя каждого крепким рукопожатием.

– Привет, брат! – ответил Висхан – мальчишка с улицы Аслана, отвечая на рукопожатие. – Ты разве не слышал? Сегодня ночью у Петропавловской был бой. Ваха напал на колонну русских. А те, оказывается, знали, что он пойдет на них. Вот и встретили его. Да так встретили, что он еле ноги унес. Говорят, многих убили. В плен взяли около двадцати бойцов Вахи. Среди них Умалт Манзоев. На два года старше тебя учился. Помнишь?

Аслан кивнул. Умалта он, конечно же, помнил. Шебутной парнишка с горячей кровью и импульсивным характером. Такие либо идут в армию, либо становятся преступниками. Поэтому, когда новость о его уходе в отряд Лудаева достигла Аслана, он даже не удивился. А что еще оставалось делать парню с горячей кровью в разрушенной до основания республике, где толком не было ни власти, ни закона? Зачем долго думать? Для чего ехать в другие места, учиться? Когда можно просто взять автомат в руки и уйти в горы. Большие порции адреналина, высокая зарплата, уверенность в завтрашнем дне. Если только доживешь до этого самого «завтрашнего дня».

– С ним еще трое чеченцев. Остальные арабы и иорданцы. Говорят, наемников русские сразу к Аллаху отправляют, – продолжил речь Висхан.

– А как Ваха? Не попался? – для чего-то спросил Аслан, хотя, положив руку на сердце, ему было абсолютно все равно.

– Не! – уверенно покачал головой Висхан. – Ваху не взяли. Да и был ли он там вообще! Я не думаю, что он сам участвует в рядовых вылазках. На это есть заместители.

Парнишка вынул из кармана пачку сигарет и извлек из нее одну.

– Будешь? – спросил он, протягивая Аслану руку.

– Не. Я не курю, – покачал головой Аслан. – Да и ты завязывай.

Висхан прикурил сигарету, выпустил облако дыма и посмотрел на соседа.

– Ну, как ты после смерти отца? – спросил он заботливо. – Мамка успокоилась?

– Да вроде получше, – вздыхая, ответил Аслан. – Хотя плачет еще.

– Ну, вы держитесь. Если что помочь нужно, зови, – серьезно и по-мужски за-явил Висхан.

– Спасибо, – кивнул Аслан, оставляя ребят и протискиваясь через их строй в магазин.

Внутри оказалось тихо и безлюдно. У прилавка, как всегда, стояла незаменимая тетя Рая. Иногда Аслану казалось, что она здесь и живет, и спит, и проводит свободное от работы время. Ведь за все время, что он помнил себя, за прилавком этого магазина никто, кроме тети Раи, не стоял. Будь то выходные, праздники, лето, зима, мирное время, война.

– Мне белого булку и булку черного, – по привычке сказал Аслан, протягивая продавщице деньги. Черный всегда брали для отца. И от этого слегка кольнуло в сердце.

– Держи, Асланчик, – грустно ответила тетя Рая, протягивая парню товар и сдачу. – Как мама?

– Нормально, держится! – привычной фразой ответил Аслан, складывая хлеб в пакет. – Зарема только постоянно плачет.

– Бедная девочка, – покачала головой тетя Рая. – Какое горе.

Аслан еще раз что-то буркнул про «нормально, держится» и вышел на улицу. Соседских мальчишек уже и след простыл. И лишь дымящиеся в урне окурки говорили об их недавнем присутствии. Послonyaвшись еще немного по улице и не встретя никого из знакомых, Аслан вернулся домой.

– Погулял? – спросила мама, как только сын переступил порог дома.

– Да, все нормально.

– Тебе когда на работу?

– Только во вторник. Шах Ахмедович дал отпуск. Мансур сказал, что подменит без проблем.

Мама шумно вздохнула в ответ.

– Есть будешь? – спросила она, убирая принесенный сыном хлеб.

– Нет, спасибо. Пойду реферат писать, – ответил Аслан, проходя в комнату с компьютером.

– Ой, ты в крови! – вскрикнула мама. – Что случилось?

Она бросилась к сыну, как бросается тигрица к детенышу при появлении опасности, и схватила его за рукав. Аслан удивленно посмотрел на толстовку. Ее рукав действительно оказался запачкан кровью. Наверно, это осталось от раненого парня, когда Аслан помогал ему добраться до дома Жансари, практически таща на себе. Лихорадочно соображая отговорку, он принялся выкручиваться:

– Мам. Да это... Я не знаю... Наверно, когда лазал по валуну. Я руку ободрал... Да ничего страшного. Так, чуть-чуть. Царапина.

Мама пристально взглянула на сына, потом на кровь и печально ответила:

– Зачем ты меня обманываешь. Если бы только твой отец...

Говорить дальше она не смогла. Поток слез и рыданий выплеснулись из ее души и обрушились на Аслана. Его сердце будто сжало тисками.

«Осёл, баран, тупица!» – выругал Аслан себя в сердцах.

– Мамуля, прости. Не плачь! – Он бросился к матери и крепко прижал к себе. – Не поверишь. Помогал Анзорику из погреба доставать продукты. Пакет упал и по носу. Хорошо, хоть не сломал. Но ты не переживай, пожалуйста. Все в порядке. Подумаешь, кровь немного...

Мама смахнула слезы и посмотрела сыну в глаза.

– Будь, пожалуйста, аккуратней. Я тебя прошу. Сам знаешь почему.

Она поцеловала сына в лоб и отправилась во двор к хозяйству. Аслан, вымыв руки, побрел в свою комнату писать реферат по литературе. Его неоконченное среднее образование никак не давало покоя пытливому уму и настойчивости, неоспоримо являющейся замечательным двигателем. Конечно, если бы не война, Аслан уже давно бы учился в Грозном или Томске. Однако, учитывая обстановку в родной республике, все его планы накрылись, как говорится, медным тазом. Поэтому учеба на заочном факультете Инженерного техникума являлась самой оптимальной программой по выходу в «люди».

Потыкав с полчаса в кнопки на старенькой, посеревшей от времени клавиатуре от такого же древнего «Пенька-II»³, Аслан тихо выругался и выключил ненавистный аппарат. Мысль никак не шла. А без нее в русской литературе делать, как известно, нечего!

– Аслан, Аслан, мне страшно! – послышался голос сестры.

Парень вздохнул и выбрался из-за стола. Маленькая! И за что только на ее голову выпало подобное?

Зарема сидела на диване и, уткнувшись личиком в разноцветную подушку, тихонько всхлипывала. Аслан опустился рядом.

– Зара, не плачь. Чего тебе страшно?

Сестренка оторвала голову от подушки и громко всхлипывая, ответила брату:

– Я боюсь. Они убили папу. А если они придут и нас убьют?

– Что ты, глупенькая, – прижимая сестренку к себе, стал успокаивать Аслан. – Не придут. Я вас защищу.

– А если они и тебя убьют?

– Кто?

– Эти страшные кафиры, которые не боятся гнева Аллаха.

Аслан сжал зубы. Злость и гнев закипели в его крови. Неужели он действительно не способен защитить своих близких? Огонь и кровь захлестнули его родную землю. А он сидит здесь, в доме убитого отца, хлюпает носом и плачет! Разве это по-мужски? Нет! Нужно обязательно разобраться, найти убийц и пустить этим шакалам кровь! Решено! Надо ехать в Грозный к раненому дяде Бола. Вот только мама вряд ли отпустит. Особенно после произошедшего с отцом.

– ... точно защитишь нас?

³ Пентиум-2.

Парень востепенел. Зарема с детской наивностью и верой в мокрых от слез глазах глядела на брата.

– Защитишь? – переспросила она.

– Конечно, Зара! Я ведь мужчина. Это мой долг!

Через четыре дня Аслан вышел на работу. Друзья-коллеги встретили его угрюмыми и молчаливыми лицами. Они понимали, как тяжело потерять близкого человека. Ведь практически каждый из них с этим сталкивался. Брат, дядя, отец, мать, близкий друг. В республике это, к сожалению, стало нормой. Страшной и роковой!

Аслан с головой ушел в работу! И хотя его штатные обязанности были примитивны до безумия (вставил пистолет в бензобак, получил деньги, закрутил пробку), на пустые трепы с коллегами времени он не тратил.

– Анзор, я завтра в Грозный еду! Будешь за меня пару дней! Только не напортачь как в прошлый раз. До сих пор бензиновый танк дизелькой воняет.

Аслан напрягся. Шах Ахмедович говорил Анзорику о поездке в Грозный, где лежал раненый дядя Бола. Эта новость приближала Аслана к воплощению его мечты – отомстить за смерть отца. Однако была одна сложность. Как убедить босса взять его с собой? Он и так пошел навстречу, дав оплачиваемую неделю после смерти отца. И просить сейчас Шаха Ахмедовича взять с собой в Грозный было бы верхом наглости. Однако Аслан решил рискнуть. Ведь время идет, боль притупляется, нюансы забываются.

– Шах Ахмедович! – робко начал Аслан. – Извините. Э-э. За мою наглость. Но мне бы с вами в Грозный.

Босс пристально посмотрел на парня.

– Зачем тебе в Грозный?

– Отец мой с другом был. Тот сейчас в городском госпитале лежит, – начал Аслан с правды, которая по его плану должна была плавно перетечь в ложь. – У него семья переживает. Сами они в Грозный ехать боятся. Мать лежащая, – здесь Аслан не соврал. – А так я бы с вами смотался. Передал бы ему гостинец от семьи. И успокоил всех.

Шах Ахмедович потер переносицу указательным пальцем. По этому жесту Аслан сообразил, что сейчас шеф раздумывает над его предложением. Поэтому дальше лучше не написать, а подождать решения. Ведь в большинстве случаев они, как водится у босса, были положительными. Наконец после продолжительного раздумья Шах Ахмедович изрек:

– Хорошо. Только поедешь за рулем. Завтра в семь здесь, на заправке.

– Спасибо, Шах Ахмедович! Вы...

– Да ладно, – махнул рукой босс. – Мне все равно одному тяжело ехать. А так ты за рулем, а я сплю!

Шах Ахмедович изобразил что-то наподобие улыбки. Однако тут же вернулся к своему первоначальному деловому состоянию.

– Но сегодня ты дорабатываешь до конца!

– Конечно, – закивал головой Аслан. – Конечно, Шах Ахмедович!

Говорить дома маме о поездке в Грозный Аслан не решился. Его план был иным. Так сказать, щадящим! Позвонить по факту и сообщить о непредвиденной командировке. Это в том случае, если они не обернутся за день. Брать с собой что-нибудь в дорогу Аслан не стал, дабы не вызвать подозрения. Поэтому на заправку он пришел налегке. Через несколько минут показалась «БМВ» хозяина.

– Ты уже здесь! – удивился Шах Ахмедович. – Еще рано.

– Да я лучше пораньше. Чтоб не опоздать и вас не задерживать, – ответил Аслан.

– Ну, тогда заливай полный бак и едем. Чего время терять?

Хозяин бросил Аслану ключи и побрел к будке оператора. Что-то сказав в окошко, Шах Ахмедович махнул рукой.

– Давай! Заправляйся!

Чиркнув зажиганием, Аслан подкатил к колонке. Полный бак в машине хозяина вместил в себя почти восемьдесят литров. Через пару минут Шах Ахмедович нырнул на заднее сиденье своего авто.

– Поехали. А я пока покемарю здесь.

Шах Ахмедович потянулся и через несколько минут уже тихо посапывал, облокотившись на дверцу машины.

Дорогу в Грозный Аслан помнил хорошо. И даже учитывая, что ездил он по ней в последний раз года два назад, это никак не мешало парню уверенно двигаться к полуразрушенной столице республики.

Спустя час езды впереди показался первый блокпост. Сбросив скорость до минимальной, Аслан подкатил к КПП и остановился. Три дула моментально уставились в «БМВ», ища лишь малейший повод выплюнуть из своих недр смертоносные «подарки». Однако дать федералам поупражняться в стрельбе не входило в планы Аслана. Он оторвал руки от руля, демонстрируя патрулю свои пустые ладони, и, распахнув дверцу, выпрыгнул на улицу.

– Привет, ребята!

– Привет, если не шутишь! – ответил один из бойцов, не отводя свой «АКМ» от Аслана. – Еще кто в машине?

– Мой начальник. Он спит. Давайте разбужу, – пытаюсь выглядеть как можно спокойней, ответил парень.

– Вань, проверь! – слегка напрягаясь, ответил сержант, наверняка являющийся здесь старшим. – Куда едете?

– В Грозный, – делая глубокий вдох, ответил Аслан. – У босса там дела. А у меня родственник в госпитале лежит. Вот заодно еду проведать.

История Аслана сержанту показалась правдоподобной. Он расслабился, о чем свидетельствовал слегка «поникший» в его руках ствол автомата. Однако полностью снимать с Аслана подозрения боец не стал. На войне это было непростительным. А опыт воевать у паренька, судя по суровому выражению и жесткому взгляду, был приличным.

– Эй, вылезай! – крикнул Иван, добравшийся до салона «БМВ».

Через секунду из автомобиля донеслось ворчание Шаха Ахмедовича. А затем на свет выбрался и он сам.

– Ребята, мы в Грозный...

– Да знаем, уважаемый. Документики предъявим?

– Ах да. Конечно! – засуетился Шах Ахмедович. – Вот. Паспорт. На машину.

Аслан тоже протянул сержанту паспорт и водительское удостоверение. Солдат тщательно сверил данные паспортов с физиономиями их хозяев и вернул документы.

– Счастливой дороги!

– Ага, спасибо. И вам удачной службы, – кивнул Шах Ахмедович, пряча документы и влезая обратно на свое место.

– Только вы это... Смотрите. Там Ваха куролесит. Не попали бы под горячую руку!

– Мы будем сама осторожность, – пробурчал Шах Ахмедович, ерзая на заднем сиденье.

– Ну, смотрите. Мое дело – предупредить, – пожал плечами сержант. – Только Ваха и вправду лютует. Пощипал его рыжую бороду спецназ.

Аслан вопросительно посмотрел на шефа, ожидая от него одобрения двигаться дальше либо команды разворачиваться. Сам он принять решение не мог, поэтому ждал от Шаха Ахмедовича приказа.

– Вперед, – решительно сказал шеф, заставив Аслана расслабиться.

Как часто порой бывает трудно самому принять решение. Вернуться назад – значит отложить поездку в Грозный, не встретиться с дядей Бола и не узнать всей правды. И это сводило

все его мысли о мести на нет! Но и ехать вперед – очень опасное предприятие. Ведь впереди может быть засада. Ваха со своими головорезами, которые иногда выходили за «рамки приличия» и не жалели своих братьев-мусульман. Учитывая все эти моменты, было мучительно трудно принять решение. Любое из них имело свои плюсы и минусы. Поэтому смелое «вперед» Шаха Ахмедовича Аслан принял без каких-либо эмоций, смирившись с ним как с неизбежным велением судьбы.

Дорога в столицу не баловала путников и ездоков. Ровные места, по которым можно смело идти 80—100 километров в час, Аслан пересчитал по пальцам. Остальные участки ничем не отличались от танковых полигонов для испытания ходовой части боевых машин. Ямы, трещины, расколы, а кое-где и воронки от взрывов. Соответственно и передвигаться по таким трассам следовало осторожно. Даже на джипе.

Стоящий на обочине джип Аслан заметил еще издалека. Запыленный и обляпанный серой грязью с паутиной трещин на стекле заднего вида. Он пугающе стоял у края дороги, нагоняя страшные мысли. И почему-то сразу сердце Аслана бешено застучало под толщей грудной клетки, заставив парня собрать в кулак всю свою силу воли, не бросить руль и, выпрыгнув из машины, пуститься бегом прочь от этого места. Подавив в себе этот позорный порыв, Аслан тихо прошептал:

– Шах Ахмедович! Слышите?

Шеф тихо засопел и возмущенно пробурчал:

– Ну, что там еще? Федералы опять шалят?

Шах Ахмедович выглянул из-за сиденья и тут же засуетился.

– Вот, черт! Моджахеды. Поезжай быстрее. Только резко не газуй. Может, пронесет?

Аслан немного ускорил «БМВ», не щадя подвески на выбоинах, в надежде, что Всевышний услышит босса. Однако сегодня Аллах не глядел в сторону Шаха Ахмедовича. Двери джипа синхронно распахнулись, и из него на утопанный, пыльный гравий обочины выпрыгнули три человека с «АК» наперевес. Один из них направил автомат в сторону «БМВ» и махнул рукой, призывая машину остановиться.

– Шайтан! – выругался Шах Ахмедович.

– Что делать? – пытаясь выглядеть спокойным, поинтересовался Аслан. – Останавливаться?

Шах Ахмедович злобно взглянул на парня и нервным голосом ответил:

– Конечно, тормози. У них «калаши». Да и не пешком они. Догонят. Вообще порешат.

Аслан включил поворотник и прижался к обочине. Хозяин тут же заерзал на заднем сиденье, затем выпрыгнул из автомобиля и направился к идущему навстречу парню. Два других остались позади своего «парламентера», прикрывая его на случай неожиданного нападения. Аслан вылезать не стал. Он лишь до конца опустил боковое стекло и стал следить за разворачивающимися событиями.

Парень с бородой моджахеда поднял автомат дулом к небу и изучающее посмотрел на идущего к нему человеку.

– Салам, уважаемый! – кивнул Шах Ахмедович, приветствуя боевика.

– Салам, – тоже кивнул парень. – Кто такие?

– Мы с Нестеровской, – пояснил Шах Ахмедович. – Едем с сотрудником в Грозный.

Парень сделал удивленное лицо.

– А вы что, не знаете? В Грозном муртадитов полно. Нельзя туда честным мусульманам! – с издевкой изрек моджахед. – Или вы с ними? Продались Путину и Иблису? ⁴ Воюете на стороне кафиров против Всевышнего?

⁴ Дьявол у мусульман.

– Что ты, уважаемый? – запротестовал Шах Ахмедович. – Мы правоверные мусульмане. Чтим Коран и традиции. Верим в мудрость Аллаха, который несет нам свет и вечную жизнь, учит смирению и прощению...

– Так зачем тебе, старик, в Грозный? – оборвал словесный поток Шаха Ахмедовича моджахед. – В это шайтанское логово!

– Жить ведь как-то надо! – начиная понемногу выходить из себя, ответил старик. – Дела у нас там.

– Жить? Да я смотрю, ты неплохо пристроился! Ездишь на «бэхе». Водитель личный. Пока мы по лесам... За Всевышнего кровь проливаем.

– Не гневи Аллаха, сынок! – возмутился Шах Ахмедович. – Ты во мне бая, что ли, разглядел? Так зря это. Да, у меня небольшое дело. Маленькая заправка. Я кручусь как могу. Даю работу нашим братьям. Помогаю матерям, лишившимся мужей и сыновей. Мечеть ремонтируем потихоньку. Аллах не осыпает золотым дождем, но я благодарен ему за то, что имею. И мне больше не надо. Крышу над головой, любящую жену, детей, внуков, друзей, уважение соседей.

Спорить с этим было сложно. Однако оказалось, моджахед был из тех, кто считает, что в любом споре познается истина. Его слегка затуманенный взгляд пробежался по Шаху Ахмедовичу и уперся в увесистую золотую цепочку, виднеющуюся на шее старика.

– Говоришь, больше не надо? Ну, тогда давай уважение заслуживай. Наверное, вот эта цепь, – боевик для пущего убеждения ткнул дулом автомата в шею старика. – Лишняя. На благое дело пожертвуешь? Заодно и уважение мое заслужишь.

– На благое дело пожертвовал бы, не задумываясь! Только ты благих дел не совершаешь. И твое уважение мне не нужно...

Договорить Шах Ахмедович не успел. Приклад автомата, описав короткую дугу в воздухе, пришелся ему точно в нижнюю челюсть. Оказавшись на земле, старик попытался отползти в сторону, но его сознание начало мутиться. Руки не держали аморфное тело, которое сразу же стало предательски тяжелым. Моджахед расплылся в зверином оскале и в садистском экстазе пнул Шаха Ахмедовича в живот.

– Ах ты, собака муртадитская! Не нужно тебе мое уважение! – Он еще раз пнул старика в ребра. – Сейчас ты сдохнешь, тварь.

Боевик перехватил автомат в боевое положение и щелкнул предохранителем.

– Эй, Али! Ты что творишь? – послышался окрик одного из оставшихся позади моджахедов. – Зачем старика бьешь?

Парень повернулся в сторону товарища, оставив старика лежать на земле.

– Да эта крыса не верит в нас. Говорит, что мы творим не благое дело, режа поросят кафирских. И не заслуживаем его уважения.

Второй боевик с интересом взглянул на Шаха Ахмедовича, затем закинул автомат за спину, подошел к старику и присел рядом на корточки. Шах Ахмедович закашлял, стер с разбитой губы кровь и посмотрел на боевика.

– Ну, что у нас тут? – с интересом разглядывая старика, спросил вновь подошедший моджахед. – Чудим? Слову Аллаха не верим?

– Почему не верим? – выплевывая кровь, ответил Шах Ахмедович. – Я вижу, ты поумней его будешь, – старик кивнул в сторону своего обидчика.

– Что ты сказал? – вскидывая автомат, угрожающе запротестовал боевик. – Я тебе сейчас новую дырку в башке сделаю!

– Стой! – оборвал его «коллега». – Ну, и? К чему ты ведешь, старик?

– Ну, мы-то с тобой знаем истинные цели вашего «правого» дела!

– И что это за цели? – не скрывая улыбки, поинтересовался боевик.

– Все банально и просто. Набить карманы деньгами. Таким, как твой товарищ, – Шах Ахмедович указал глазами в сторону Али. – Вы поете песни про священный джихад, про Аллаха, которому все это надо. Делаете из них фанатиков, готовых без раздумывания стать шахидами. Вот только дарует ли Всевышний им вечный рай после совершенного? А сами, послав их на смерть, едете в Турцию купаться в теплом море и наслаждаться раем земным.

– Это твое видение, старик, – ничуть не смутившись, ответил моджахед. – А как тебе другая история? Зачистка села федералами. Вся моя семья – отец, мать, жена и ребенок – покидают этот мир под обломками взорванной сакли. Половину тела отца я вообще не нашел. Сам выжил лишь потому, что ушел со старостой разговаривать с командиром русских. Хотя теперь и сам жалею, что выжил! Вот такая моя история! Так что ты теперь думаешь, старик? Воюю я за деньги или все-таки джихад для меня не пустые слова?

– Ты мстишь за смерти родных, – снова выплевывая кровавый сгусток, сказал Шах Ахмедович. – Их смерти – твое горе и твоя правда. У меня самого брат погиб на этой войне. Но начни с того, кто все это затеял...

– Ты не понимаешь, старик! – взорвался чеченец. – Мне плевать, кто и что затеял! Моя семья погибла! Из них никто не был виноват! И я буду до последнего вздоха резать глотки русским собакам, пока Аллах не призовет меня к себе, где я встречу своих родных! Вот моя правда!

– Я разделяю твою скорбь...

Громкая автоматная очередь разрубила дневную тишину. Шах Ахмедович вздрогнул и рухнул на землю. Пули прошли навывлет. Аслан видел, как сгустки крови вперемешку с обрывками ткани вылетали со спины старика маленькими фонтанчиками. Густая взвесь окропила серую землю, забрызгав и придорожную траву, и небольшой камень, лежащий неподалеку. Большие красные пятна тут же стали разрастаться на светлой одежде старика, миготом отдавшего Аллаху свою душу.

– Эй, Сайхан! Ты сам-то? – возмущенно воскликнул Али. – На меня ругался.

– Я его не пинал, как ты, – разбитым голосом ответил убийца. – И не хотел убивать.

– Да ладно. Не переживай. Он был муртадитом. Отступник проклятый. Что с этим делать?

Боевик ткнул стволом в сторону Аслана, который от ужаса не мог пошевелиться.

Если судить здраво, то сейчас самым лучшим для парня было бы дать задний ход и умчаться прочь от этого проклятого места. Шаха Ахмедовича уже было не спасти, а дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Однако страх парализовал Аслана, сковав тело невидимой цепью.

– А кто там у нас? Тащи его сюда! Посмотрим.

Али бросился к машине и через несколько секунд притащил едва трепыхающегося от страха парня. Бросив Аслана на землю рядом с телом убитого старика, он с важным видом вскинул автомат стволом к небу и подпер бок свободной рукой.

– Вот. Пацан.

Сайхан поморщил лоб.

– Как тебя звать? – кисло спросил он, глядя парню в глаза.

– Аслан, – пытаюсь собрать всю оставшуюся в себе силу воли, ответил парень. – Аслан Кивсоев.

– И как ты ко всему этому относишься? – поинтересовался Сайхан.

Порой правда – вещь злая. Ведь у нее, как у всего на этом свете, есть два конца. И в этом Аслан сейчас только что убедился. Поэтому отношение к ней зависит от того, с какой стороны и под каким углом смотреть. Иногда случается так, что люди во имя своего спасения говорят неправду. И винить их в этом – занятие неблагодарное. Достаточно лишь оказаться на

их месте, как ты понимаешь, что ради спасения своей жизни человек готов на многое. И ложь – самое малое из возможных вариантов.

Однако попадают такие люди, которые презирают ложь во всех ее проявлениях. Вследствие этого они всегда попадают в сложные жизненные ситуации. Это очень принципиальные люди, страдающие за свои принципы и убеждения. Кто-то про такого скажет «герой», а кто-то скажет «дурак». Судить трудно. Шаха Ахмедовича, прими Аллах его душу, Аслан не считал дураком. Однако смерть, которую он принял, казалась глупой. Зачем что-то доказывать человеку, избравшему своим жизненным путем дорогу войны и смерти? И во имя чего Шах Ахмедович принял эту смерть? Жизненные принципы? Говорить правду? Нет. Он так не поступит. Ведь ему еще предстоит сделать так много!

– Что молчишь? – не унимался Сайхан. – Как относишься?

– К чему именно? – Аслан на самом деле не понимал вопроса.

– Ты меня за тупого держишь? – взорвался Сайхан.

Тычок в скулу заставил Аслана форсировать события. Он приложил ладонь к ушибленному месту и обиженно ответил:

– Зря вы так. Если вы из отряда Вахи, то я пару дней назад вашего спасал.

Сайхан удивленно посмотрел на Аслана. Затем он немного изменился в лице и с презрением крикнул:

– Врешь, пацан!

– Нет, – с обидой в голосе ответил Аслан. – Дядя Юсуф тащил вашего. Я помог старику. Он сам бы не дотащил. А потом пулю вытаскивали вместе. С бабкой Жансари.

Али с Сайханом переглянулись.

– Как зовут нашего брата? – спросил Али заинтересованно.

– Я не знаю. Он еле дошел. Когда я тащил его – мне было не до знакомства. А потом, как начали пулю вынимать, ему стало тоже не до рукопожатий. Высокий такой. Наш, чеченец. Не араб.

– Наверно Хамид, – обрадованно закачал головой Али. – Его тело не нашли.

– Ну, если правда... – растерянно ответил Сайхан. – А этот? Что ты с ним делал?

– Работал у него на заправке, – печально сказал Аслан, вспоминая об убийстве Шаха Ахмедовича. – Мы правда в Грозный по делам...

– Собакой он был! – оборвал Сайхан Аслана. – Не правоверный. Не верил в наше дело. В нашу правду.

Аслан с тоской подумал, что же будет дальше. Мать узнает о случившемся. И о том, что он без ее ведома поехал в Грозный. И это будет только половина беды. Смерть Шаха Ахмедовича тоже не маленькая неприятность. Во-первых, старик был хорошим человеком. Во-вторых, Аслана затаскают по следователями и, еще чего доброго, самого в чем-то заподозрят. Ну, а в-третьих, как бы это меркантильно ни звучало, получается, что теперь он без работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.